

Борис Степанович Житков. Храбрость

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Я о ней много думал. Особенно в детстве. Хорошо быть храбрым: все уважают, а другие и боятся. А главное, думал я, никогда нет этого паскудного трепета в душе, когда ноги сами тянут бежать, а то от трепету до того слабнут, что коленки трясутся, и, кажется, лучше б лег и живым в землю закопался. И я не столько боялся самой опасности, сколько самого страха, из-за которого столько подлостей на свете делается. Сколько друзей, товарищей, сколько самой бесценной правды предано из-за трусости: "не хватило воздуха сказать"...

И я знал, что по-французски "трус" и "подлец" - одно слово - "ляш". И верно, думал я: трусость приводит к подлости.

Я заметил, что боюсь высоты. До того боюсь, что если лежу на перилах балкона на шестом этаже, то чувствую, как за спиной так и дует холодом пустота. Просто слышу, как звенит проклятая холодом своим. И говорю тогда невпопад: оглушает сзади пустота.

Я раз видел, как на подвеске красил купол кровельщик. Метров сорок высоты, а он на дощечке, вроде детских качелей. Мажет, как будто на панели стоит, еще закурил, папироску скручивает. Вот я позавидовал! Да если б меня туда... я вцепился б, как клещ, в веревки или уж прямо бросился бы вниз, чтоб разом покончить со страхом: это самое больное, самое непереносимое чувство. Я выследил этого храбреца и вечером пошел за ним. Он пошел прямо на реку. Стал раздеваться. Я рядом. Я, при таком храбреце, пробежал по мосткам до самого края и с разбегу бух головой: глубоко там, не ударишься. Выплыл. Смотрю, мой кровельщик стоит по пояс в воде и плещет на себя, приседает, как баба. Я ему:

- Дяденька, иди сюда, здесь водица свежей.

А он:

- Ишь, приткий какой. Тама, гляди, утонуть можно.

- Да тут тебе по шею.

- Ладно! Неровен час колдобина али омут какой. Ну тебя к лешему. Не мани.

А когда он портки оттирал песком, я спросил:

- А как же выси-то не боишься?

- По привычке.

А поначалу, сказал, что страховито было.

Я решил, что приучу себя к высоте. И стал нарочно лазить туда, где мне казалось страшно.

Но ведь не одна высота, думал я. А вот в огонь полезть. В пожар. Или на зверя. На разбойника. На войне. В штыки, например.

Я думал: вот лев - ничего не боится. Вот здорово. Это характер. А чего ему бояться, коли он сильнее всех? Я на таракана тоже без топора иду. А потом прочел у Брема, что он сытого льва камнем спугнул: бросил камнем, а тот, поджавши хвост, как собака, удрал. Где же характер? Потом я думал про черкесов. Вот черкес - этот прямо на целое войско один с кинжалом. Ни перед чем не отступит. А товарищ мне говорит:

- А прыгнет твой черкес с пятого этажа?

- Дурак он прыгать, - говорю.

- А чего ж он не дурак на полк один идти?

Я задумался. Верно: если б он зря не боялся, то сказать ему: а ну-ка, не боишься в голову из пистолета выстрелить? Он - бац! И готово. Этак давно бы ни одного черкеса живого не было. С гор в пропасть прыгали бы, как блохи, и палили бы себе в башку из чего попало. Если им смерть нипочем. Ясное дело: совсем не нипочем, и небось как лечатся, когда заболеют или ранены. Зря на смерть не идут.

Вот про это "зря" я увидел целую картину.

Дело было так. Был 1905 год. Был еврейский погром. Хулиганье под охраной войск убивало и издевалось над евреями как хотело. Да и над всякими, кто совался против. И образовался "союз русского народа"... казенные